

НА ЭСТРАДНОМ спектакле «Доброе слово и кошке приятно» (автор А. Хайт), который показывает у нас в Перми лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады Евгений Петросян, зрители дружно смеются. А после спектакля, выйдя из зала, задумываются и начинают какими-то новыми глазами смотреть вокруг, да и свои собственные поступки (что, наверное, особенно важно) начинают оценивать как-то иначе, более строго и критично. Объясняется это тем, что артист не просто смешит, а заставляет нас задуматься об очень серьезных и злободневных проблемах и вопросах: почему «вещизм» иногда так уверенно входит в нашу жизнь? Почему стремление к достижению высоких идеалов, то светлое, благородное, что закладывали в нас в школе, вытесняется порой какими-то мелочными, суетными, никчемными заботами? Почему мы бываем иногда равнодушны к окружающим нас людям, ведь любому человеку доброе слово всегда приятно?

Вот, например, звучит с эстрады монолог «Дирижер». В этой миниатюре два звукоряда: мысли вслух дирижера-Петросяна и великая, мудрая музыка Бетховена. Словно автоматически манипулирует дирижер своей палочкой, в такт звучания невидимого оркестра. Но мысли его заняты отнюдь не музыкой.

музыку для всех людей мира!».

На наших глазах происходит прозрение человека, и мы, зрители, благодарны артисту не только за точно созданный на сцене характер, но и за то, что он помог нам как бы со стороны посмотреть на самих себя, на свою собственную жизнь.

В спектакле «Доброе слово и

ВЕСЕЛО О СЕРЬЕЗНОМ

Он размышляет, например, о том, откуда у барабанщика такой модный галстук, или как достать обои, плитку. Хорошо, мол, Бетховену жилось: не надо было думать о ремонте квартиры. Но вот финальные аккорды симфонии, как ушат холодной воды, приводят дирижера в чувство: «О, ужас! Что я говорю? Какие обои, какая плитка, какой интерьер, какой хрусталь? Бетховен умер в нищете, больным, глухим. Он оставил после себя не вещи, а

кошке приятно» принимают участие артисты Московского государственного театра эстрады. У каждого из них есть свой сольный номер. Зрители тепло принимают пародии в исполнении Е. Степаненко, музыкальное поурри лауреата Всероссийского конкурса артистов эстрады Е. Грушина и куплеты, которые поет В. Войнаровский.

Л. ДЕМЬЯНОВА,
редактор Пермской
областной филармонии.

13 февраля 1982 года

УРАЛЬСКИЙ РАБОЧИЙ

НАШИ ГОСТИ

ВОСХОЖДЕНИЕ К САТИРЕ

ЭТО смешно. Гуляющий по зоопарку общительный гражданин вдруг остановился перед клеткой обезьяны-манки и доверительно заговорил:

— Подожди, дорогой, не прыгай и не мечись, давай поговорим! Ты мне понравился (имеется в виду макак-«он»). Смотри какой: две руки, две ноги, два глаза. Если одеть тебя, дать тебе в руки портфель — будешь настоящий инженер.

Мы рассказываем о спектакле Московского театра эстрады «Доброе слово и кошке приятно», с которым в Свердловск приехала группа артистов во главе с Евгением Петросяном.

Но вернемся (принесли извинения автору Арнадию Хайту и исполнителю Евгению Петросяну за совершенно вольный пересказ текста) и прерванной сценке. Она веселит нас не только необычностью разговора человека с обезьяной и непритязательными шутками, но и где-то выходит на нешуточные выводы. Вот собеседник убеждает маняку стать человеком.

— Но, — говорит он, — запомни: главное — не стать человеком, а им оставаться. Будь добрым, справедливым, умным, чтобы, глядя на тебя, хотя бы еще одна обезьяна захотела стать человеком.

Это уже стрелы сатиры. И неоднократно талантливые исполнители выводят нас на острый, непримиримый, прямой

разговор о наших недостатках, о наших отступлениях от нравственности, на честный и умный разговор, которого, собственно, и ждет сегодняшний зритель.

Отлично играет Евгений Петросян сценку о человеке, задающемся многими вопросами. Начинает он с явного пустяка («Если человек — самое дорогое на свете, то почему с него в автобусе за проезд берут пять копеек, а за чемодан — десять?»), а выходит и на недостатки общественного питания, бескультурье и даже на перевод зеленого леса в очевидную книжную макулатуру...

Вот взмахнул палочкой дирижер, и оркестр ответил ему вдохновенными звуками симфонии Бетховена. Но не проходит и минуты, как мы замечаем, что дирижер перестает служить чистому искусству. Что-то его отвлекает. Вот он, воспользовавшись маленькой паузой, пытается очистить рукав фрака от какого-то пятнышка.

— Неужели, — говорит он, — нельзя делать ремонт и не заляпать все вокруг! Интересно, а Бетховен тоже делал ремонт? А если делал, то где он доставал нафельную плитку?!

И так далее. Великое смешалось с мелким, причем мелкое засасывает, берет верх, побеждает. Финальный вопрос дирижера, спрашивающего нас, почему Бетховен при бедности, при глухоте не бегал, не суетился по пустякам, а мы бе-

гаем, не повисает в воздухе. Он пронзает нас осуждающей истиной, призывает служить не убогому богу доставал и мечал, а идеалам и чести. Сценка эта — запоминающаяся творческая удача.

Евгений Петросян выступает не один. Вместе с ним на сцене действует «наш небольшой рабочий коллектив», как поется здесь же в одной из интермедий, в составе Елены Степаненко, Евгения Грушина и Вячеслава Войнаровского. Артисты отлично сыгрались и «спелись». Все время мы смотрим именно спектакль, целостную программу.

Правда, время от времени на протяжении этого отличного вечера все же улавливаешь какую-то диссонансно звучащую ноту.

Вот во вступительном слове (зачем, кстати, оно? — неужели разъяснение для «провинции»?!) звучат остроты позавчерашние, вымученные.

Думается, литературный уровень куплетов о телевидении ниже мастерства исполнителя-пародиста Евгения Грушина. То же можно сказать и о песне-провахе на пенсию некоего Петрова, которую исполняет Вячеслав Войнаровский.

Шлифовка программы возможна. Однако успех ее в целом, высокое эстрадное искусство порождает полное доверие и создателям эстрадного спектакля.

Феликс ВИБЕ.

243